

Однако в глубине души Инью понимал, что его поведение только заставит наследного принца ослабить бдительность по отношению к нему. Принца, который вел бы себя как избалованный ребенок по отношению к наследному принцу, если говорить вежливо, можно назвать милым, если говорить с неприязнью, то дураком. Прямо сейчас стремление Иньчжэня сблизиться с принцем, независимо от того, заключалось ли это в том, чтобы защитить себя или быть действительно преданным наследному принцу, явно показывало, что первое верно, а вот был ли он действительно предан, знал только сам Иньчжэнь.

Восьмой брат не был близок с наследным принцем, а наследный принц смотрел свысока на происхождение восьмого брата, поэтому никто не сидел с ним за одним столом. Восьмому аге было все равно, он только равнодушно посмотрел на седьмого брата, который послушно склонил голову, чтобы писать по прописям, и медленно опустил голову.

В Мао Ши [4] маньчжурский и китайский мастера [5] вовремя прибыли в Уичжай. Инью увидел, что эти мастера сначала с почтением поклонились наследному принцу, затем остальным принцам и, наконец, отошли в сторону.

[4] 杳 (mǎo) (杳) ши. 5-7 утра (в системе двухчасового деления, использовавшейся в прежние времена).

[5] До династии Цин во времена династии Мин правящей этнической группой были китайцы-ханьцы. Но после маньчжурского переворота правящей этнической группой стали маньчжуры. Вот почему «наполовину лысая» прическа была главным элементом, носить ее означало принять династию Цин, не носить ее - актом неповиновения. Одним из различий между ханьцами и маньчжурами был их язык, хотя они были очень похожи. То же самое происходит и в современном Китае, сейчас большинство китайцев - ханьцы, и они изучают мандаринский как свой лингва франка, а позже они изучают диалект (хотя, если они изучают диалект, это зависит от того, где они живут); например, в Гонконге люди говорят на кантонском диалекте, поэтому там они говорят на мандаринском и кантонском диалектах.

Инью был немного удивлен, но, увидев, что Иньчжэнь не двигается, он послушно сел, а затем увидел Тан Биня [6], старого китайского мастера, по очереди подходящего к столу каждого принца, чтобы проверить вчерашние успехи в учёбе. Когда он подошел к столу наследного принца, он фактически опустился на колени и выслушал его прочтение наизусть.

[6] Будучи слишком прямолинейным чиновником, он нажил себе много врагов. Он был министром и губернатором, но был беден, и когда он обучал наследного принца Иньчжэня, который был избалован, они не очень ладили. Его враги плохо отзывались о нем перед императором, и поэтому Канси осудил Тан Биня и понизил его в звании на пять рангов; народ был возмущен этим, поэтому Канси пришлось помиловать его, но позже Тан Бинь заболел и умер. Он также написал эту знаменитую цитату: «Доброта государя высока, как небо, а сердце министра прямолинейно, как стрела».

Инью почувствовал, что его познания были немного искажены. Когда он увидел, как Тан Бинь, которому было за пятьдесят, возвращает священные писания, встает и слегка дрожит, его рука, держащая кисть, отяжелела.

Через некоторое время Тан Бинь начал рассказывать о «Книге обрядов» [7]. Инью не мог понять и половины из этого, и тогда он почувствовал, что десять лет, в течение которых он читал книги в своей прошлой жизни, были потрачены впустую, и не было смысла приводить их здесь. Во всяком случае, даже многие докторанты, возможно, не смогут запомнить «Четыре книги» [8], но принцы династии Цин, кажется, смогли досконально запомнить «Четыре книги» за два года обучения в школе.

[7] Книга обрядов, также известная как Лицзи (礼记 Lǐjì), представляет собой сборник текстов, описывающих социальные формы, управление и церемониальные обряды династии Чжоу, как они понимались во времена Воюющих Царств и раннем периоде Хань. «Книга обрядов» принадлежит к пяти классическим произведениям, которые лежат в основе традиционного конфуцианского канона. Являясь основным текстом конфуцианского канона, он также известен как «Классика обрядов» или «Лицзин».

[8] «Четыре книги» (四书; Sìshū) - классические китайские тексты, иллюстрирующие основные ценности и системы верований конфуцианства. Они были выбраны в качестве общего введения в конфуцианскую мысль, и во времена династий Мин и Цин стали основой официальной учебной программы для сдачи экзаменов на государственную службу. «Четыре книги» и «Пять классиков» являются наиболее важными классическими произведениями китайского конфуцианства.

Тан Бинь не позволил двум вновь прибывшим братьям также изучать «Книгу обрядов», но он дал каждому по тетради со словами: «Если вы, двое братьев, чего-то не понимаете, пожалуйста, спросите меня [8]».

[8] в данном случае он употребил слово 微臣 wēichén - этот мелкий чиновник / смиренный слуга.

Инью взял тетрадь, в которой содержались записи в стиле кайшу [9] для начинающих. Он улыбнулся и сказал: «Спасибо вам, учитель Тан».

[9] 楷书 kǎitǐ: обычный/стандартный шрифт (китайский каллиграфический стиль). Это самый современный из стилей китайского письма (появившийся во времена династии Цао Вэй около 200 года и стилистически оформившийся примерно в 7 веке), поэтому он очень распространен в современных произведениях и публикациях (постминский и готический стили используются исключительно для печати). Сегодня в Китае используется пять основных типов письменности. В общем порядке их появления различают: печатный шрифт, канцелярский шрифт, скоропись, текущий шрифт и стандартный шрифт; стандартный шрифт - это тот тип, с которым большинство изучающих мандаринский язык сегодня впервые сталкиваются во время учебы.

Тан Бинь поспешно поклонился, услышав его слова: «Я не достоин».

Он провел утро за скучным изучением маньчжурской и китайской литературы. В полдень все старшие братья перешли в соседнее крыло, и императорские телохранители быстро подали еду. Инью попробовал одно из блюд, вкус был очень хорош. Те, кто хотел работать на императорской кухне, не осмеливались небрежно относиться к еде принцев.

Блюда принцев были тщательно приготовлены и были восхитительны. Инью подцепил палочками для еды кусочек мяса белого гуся, приготовленного на пару. На вкус это было очень вкусно, но тарелки были слишком маленькими. Он съел всего несколько кусочков, прежде чем тарелка полностью опустела. Он с некоторым сожалением облизнул уголки губ. Он не ел подобного у себя во дворе.

В этот момент чья-то ладонь шевельнулась, пустая тарелка исчезла, а затем перед ним появилась тарелка с кусочками приготовленного на пару гуся.

Инью на некоторое время остолбенел. Застигнутый врасплох, он повернул голову, огляделся и увидел, что Иньчжэнь уткнулся в еду, но перед ним стоит пустая тарелка. Его сердце слегка дрогнуло, он подцепил кусочек мяса и отправил его в рот. Во рту внезапно появился неопиcуемый вкус. Какой позор, было ли что-нибудь более постыдное, чем старый дядя, крадущий еду у девятилетнего ребенка?

Восьмой брат отдернул руку от края чаши. Он взглянул на Инью, сидевшего слева от него, и молча опустил голову, чтобы поесть.

Поев и немного отдохнув, остальные принцы снова принялись за чтение «Книги обрядов», в то время как Инью и Иньсы продолжали практиковаться в каллиграфии.

Позанимавшись около часа и перекусив, они начали практиковаться в верховой езде и стрельбе в большом дворе за пределами Уичжая. Хотя это называлось двором, Инью был уверен, что этот двор больше футбольного поля в колледже, в котором он учился. Он был немного взволнован. Вот пример разницы до и после повышения цен на землю, верно? Если бы в городах первого эшелона 21 века появился бы такой огромный участок свободной земли, эти застройщики недвижимости точно сошли бы с ума.

Старшие братья отправились практиковаться в верховой езде и стрельбе, но Инью и Иньсы были слишком юны, поэтому с ними занимался специальный учитель, который обучил их некоторым самым элементарным боевым навыкам, а затем позволил им двоим свободно практиковаться.

После получасовой тренировки Инью так устал, что у него перехватило дыхание. Он с завистью посмотрел на четвертого старшего брата, который лихо скакал на лошади, и сделал глоток чая, поданного евнухом. Остановившись, он не смог удержаться и сказал: «Восьмой брат, давай немного передохнем. Хочешь поскорее - не достигнешь цели».

Восьмой брат на мгновение опешил, но остановился после слов Инью, и улыбнулся ему. Инью попросил евнуха, стоявшего рядом с ним, подать ему полотенце, чтобы вытереть пот, а затем сделал глоток воды и мечтательно посмотрел в сторону принца и остальных:

- В будущем я буду таким же сильным, как братья, а затем стану могущественным полководцем.

- Полководцем? - Иньсы слышал о хромоте Инью. Такому человеку обречено не иметь возможности сражаться с группой врагов на поле боя, но, видя тоскующее выражение на лице собеседника, он, естественно, мог только покорно слушать.

- М-м-м, генерал, - лучезарно улыбнулся Инью, - одетый в доспехи, чтобы защитить нашу династию Цин. Как величественно!

Улыбка Инью была очень яркой, но в его глазах не было улыбки. Он понимал, что его непреднамеренные детские слова скоро достигнут ушей разных людей.

Разве не вызовет смех и жалость брат, у которого есть прекрасные устремления, но который родился ущербным?

<http://bllate.org/book/15126/1336917>